

Светлана Королёва, Елена Четина (Пермь)

Предания о братьях-богатырях Пере и Мизе: источники, историзм, локальность (на подступах к теме)¹

Аннотация. Цикл преданий о силачах Пере и Мизе с логически выстроенной последовательностью событий можно считать в какой-то мере исследовательским конструктом. Реальное бытование традиции представляется более сложным. Существовали повсеместно известные сюжеты, которые составляли основу цикла. Однако на конкретных территориях предания о Пере приобретали выраженную локальную специфику. Имя популярного коми-пермяцкого героя приурочивалось к объектам сакрального ландшафта и включалось в готовые фольклорные сюжеты, где параллельно могли фигурировать другие персонажи. Иногда в преданиях отражались сравнительно поздние события местной истории. Обнаружить такие случаи помогает учет всех известных вариантов преданий, часть которых не опубликована.

Ключевые слова: Пермский край, коми-пермяки, русские, исторические предания, богатыри, природно-культурный ландшафт, локальная традиция.

Предания о коми-пермяцких братьях-богатырях Пере и Мизе могут рассматриваться в ряду фольклорных текстов о богатырях и силачах. Однако рассказы об этих героях имеют существенные отличия от сходных сюжетов, известных на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Первое заключается в значительно более широком ареале, где в разное время фиксировались упоминания о Пере. Если предания о других силачах бытуют в пределах одного селенческого куста и редко — на смежных территориях двух-трех районов, то рассказы о Пере записывались во всех шести районах округа (включая Юрлинский, где проживает русское население), в граничащем с округом Усть-Куломском р-не Республики Коми, а также в Красновишерском р-не Пермского края, где живут язьвинские коми-пермяки [Гусев 1956: 77-80]. Существует достоверное свидетельство, что в первой половине XIX в. этот герой был известен также русскому населению современного Чердынского р-на [Берх 1821:118-119] и в заводском поселке Сылва совр. Шалинского р-на Свердловской обл. (ранее — Красноуфимский уезд Пермской губ.) [Кругляшова 1974: 101-102, 108-109].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ «История Северного Прикамья в зеркале фольклора (на материале публикаций XIX — начала XX вв.)», проект № 16-34-00007а.

Второе отличие заключается в том, что предания о Пере не ограничиваются одним-двумя сюжетами, а образуют целый цикл. Сюда входят рассказы о жизни Перы и Мизи на реке Лупье; о помощи богатыря русскому царю (обычно — Ивану Грозному) в битве с врагом; о споре с лешим за промысловые угодья; о борьбе с графом Строгановым, желавшим захватить местные земли; о смерти Перы и его могиле². В реальных записях встречаются как отдельные сюжетные ситуации, так и различные их контаминации. Примечательна полигенетичность фольклорных сюжетов, циклизация которых происходит вокруг коми-пермяцкого богатыря. Так, история о борьбе Перы с лешим — сюжет сказочного типа, который в менее разработанном виде встречается в быличках [Рочев 1985]. Отдельные образы и мотивы, а также общая стилистическая тенденция к героизации (в частности, гиперболизации) коми-пермяцкого силача возникают под влиянием русских былин, сказок и преданий на былинные сюжеты³; некоторые детали рассказов о помощи Перы русскому царю сближают этот сюжет с былиной о Рахте Рагнозерском и лежащими в его основе русскими и карельскими преданиями [Ожегова 1961: 20-25]. Смерть богатыря изображается как «самопогребение», типичное для рассказов о чуде, и т.д.

В нашей статье мы коснемся истории собирания устных рассказов о Пере, а также наметим один из сравнительно новых ракурсов их изучения. Он, как нам кажется, может заключаться в выявлении локальной специфики преданий и их привязки к природно-культурному ландшафту.

Из истории собирания. История собирания и публикации преданий о Пере и Мизе уже освещалась исследователями. Особенно подробно рассмотрен период до середины XX в. [Гусев 1956: 73-74; Ожегова 1961: 7-20; Ожегова 1980: 49-51, 66], тогда как последняя треть прошлого столетия и настоящее время оха-

² История о женитьбе Перы на дочери солнца Зарань имеет очевидное литературное происхождение и потому нами не учитывается. Первая публикация этого произведения состоялась в 1960 г. на коми-пермяцком языке [Коми-пермяцкое творчество 1960: 30-33]; отмечая особый характер «Перы и Зарань», комментатор указывает, что произведение составлено Л.С. Грибовой «по народным мотивам» в 1959 г. [Там же: 221]. Прекрасный знаток фольклора, Л.С. Грибова использует в своем литературном переложении не только коми-пермяцкие предания, но и устное творчество других народов.

³ «Следы» русской былинной традиции в виде пересказов основных сюжетов об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче (в т.ч. в форме преданий) фиксировались в Коми-Пермяцком округе вплоть до 1950-х гг. [Коми-пермяцкие предания 1956: 6].

рактированы значительно меньше (обзор, где учтены поздние работы, см. в [Голева и др. 2011: 6-8, 10, 14-21]).

Как известно, первое упоминание о Пере относится к концу XVIII в. В 1771 г. будущий академик Московской и Петербургской академий наук Иван Лепёхин услышал в Косинской волости об «отменной силы чюденине», который указал дорогу «заблудившему русскому торгашу» и снабдил его всем необходимым. Слух о силаче «из Чюди» дошел до царя, вызвавшего Перю в Москву; там государь наградил его шелковыми сетями и грамотой на землю, где тот мог «безпрепятственно промышлять» [Лепёхин 1780: 195-196]. В середине XIX в. устную родословную лупьинского богатыря приводит священник храма в с. Гайны Н. Попов (его этнографический очерк опубликован в «Вятских губернских ведомостях» в 1852 г.): «В деревне Верх-Лупье <...> живет одно семейство, <...> по фамилии Мизевы, известное своей необыкновенною силою. У них был отец Семен <...>. Будучи крепкого телосложения, он был совершенно здоров <...> до самой смерти, посетившей его на 115 году <...>. Дед его Калина жил 112 лет. У Калины отец был Антипа, у Антипы братья по прозвищу Пера и Мизя...» (цит. по: [Фольклор коми 1938: 302-303])⁴. Примечательно, что в 1938 г. эти данные приводятся комментатором преданий как один из аргументов, подтверждающих реальное существование Перы [Там же: 303]; так же полагала этнограф В.Н. Белицер, знакомая с материалами Н. Попова [Белицер 1958: 350].

В нач. XX в. краткие варианты преданий о Пере приводят К.Ф. Жаков, Н.П. Белдыцкий, И.Я. Кривошеков; нетипичную любовно-авантюрную интерпретацию получает сюжет о борьбе героя с лешим и женитьбе на его жене в пересказе А.Н. Грена⁵. Сбор рассказов о богатыре продолжился в советское время. Два варианта записаны в середине 1920-х гг. корреспондентами А.С. Сидорова на территории современной Республики Коми (тексты хранятся в архиве этнографа и были опубликованы Ю.Г. Рочевым, см. № 24-25 в [Коми легенды 1984: 38-41]). Записи 1920-30-х гг. выходят в сборнике «Фольклор народа коми» [Фольклор коми

⁴ Таким образом, уже одна из первых фиксаций предания о Пере и Мизе свидетельствует, что местное население относилось к этим героям как к жителям конкретной деревни. Нам трудно согласиться, что «настойчивое подчеркивание реальности существования» Перы — это позднейшие представления и показатель «деградации культа» [Подюков 2010: 132]; более вероятно, что культ этот вовсе не был таким архаичным, как подразумевается некоторыми исследователями.

⁵ Пересказы опубликованы Д.И. Гусевым [Коми-пермяцкие предания 1965: 65-68] и впоследствии переизданы [Ожегова 1971].

1938: 51-61]. Специфическую версию, составленную былинным стихом, публикует собиратель Т.В. Сторожев; эта запись, единичная по форме и содержанию, является, вероятнее всего, стилизацией, выполненной знатоком русской былинной традиции, и вряд ли может считаться собственно фольклорным произведением⁶.

Важным этапом в работе по сбору и изучению устных преданий о Пере и Мизе стали полевые исследования кафедры этнографии Московского университета им. М.В. Ломоносова и Коми-Пермяцкого окружного музея, проведенные в 1947-1953 гг. По их итогам Д.И. Гусевым был подготовлен сборник преданий [Коми-пермяцкие предания 1956], который и сегодня остается одним из наиболее ценных источников по теме. Собранные 46 текстов сгруппированы по местам записи и снабжены необходимыми комментариями; полевой материал дополнен информативным историко-этнографическим очерком, дающим представление о живом бытовании традиции [Гусев 1956]. К сожалению, книга эта стала библиографической редкостью и не всегда известна даже специалистам⁷.

Следующий, расширенный вариант сборника был подготовлен М.Н. Ожеговой и вышел в 1971 г. Это издание содержит новые записи; часть из них сделана студентами Пермского педагогического института, прочие извлечены из личных архивов собирателей, в т.ч. профессиональных этнографов и фольклористов. Так, в собрание включены ранее опубликованные тексты В.Н. Белицер, полевые материалы Т.В. Сторожева, Л.С. Грибовой⁸, В.В. Климова, И.В. Зырянова и др. [Ожегова 1971]⁹. Единичные варианты преданий о Пере печатались и позднее; одно из них —

⁶ Подобные тексты, сконструированные по просьбе собирателя или личной инициативе исполнителя в былинной манере, — достаточно типичное для 1930-40-х гг. явление (ср. т.н. «новинь»).

⁷ Помимо аутентичных записей, Д.И. Гусев включил в сборник составленный им сводный текст преданий; именно этот сводный (сконструированный) текст обычно входит в учебные пособия и сборники коми-пермяцкого фольклора; см., напр.: [Заветный клад 2007: 218-234]. Кроме того, он был переведен с русского на коми-пермяцкий язык и иногда печатается в таком виде, см.: [Коми-пермяцкое творчество 1960: 16-29] и др.

⁸ Один из этих текстов П.Ф. Лимеров печатает в новой редакции — приведя его в соответствие с полевой записью Л.С. Грибовой из архива КомиНЦ УрО РАН (см. № 103 в [Му пуксьом 2005: 117]).

⁹ Сборник этот структурирован более слабо; размещение вперемежку текстов, записанных в разное время в различных местах, делает почти неразличимой локальную специфику преданий о Пере, довольно очевидную в издании 1956 г.

содержащее мотив чудского «самопогребения» — приводит археолог В.А. Оборин [Оборин 1974: 120]; сылвенскую версию XIX в. находит В.П. Кругляшова [Кругляшова 1974: 109]. Таким образом, к концу 1980-х гг. опубликовано не менее 97 фольклорных текстов о богатыре Пере; затем собирательская и архивная работа на какое-то время сходит на нет.

Современное состояние традиции выявлено в начале 2000-х гг. диалектологом И.А. Подюковым; некоторые итоги полевого исследования и собранные тексты приведены в его статьях [Подюков 2008; Подюков 2010]. Новые записи позволяют говорить о двух тенденциях: осовременивании образа Перы (путем введения в предания реалий советского времени) и существенной редукции повествования (рассказчики воспроизводят лишь основную сюжетную схему либо перечисляют отдельные мотивы). Подобные результаты дают и наши полевые исследования, проведенные в 2014 г. в пос. Жемчужный — населенном пункте, наиболее близком к заброшенной д. Верх-Лупья, родине легендарных богатырей (материалы готовятся к публикации).

Дополнительные источники. Введенный в научный оборот корпус текстов о Пере и Мизе выглядит достаточно репрезентативным. Но если исходить из положения, что каждый текст по-своему ценен и может дополнить представление о традиции, то необходимо обозначить некоторые проблемы источниковедческого характера. Очевидно, что исследователями учитываются не все опубликованные предания. Во-первых, практически не используются данные, упоминаемые в очерках, мемуарах и других документальных произведениях. Между тем фольклорные рассказы о силачах из рода Мизи приводит в небольшом очерке коми поэт, переводчик и лингвист В.И. Лыткин [Лыткин 1994: 70]¹⁰. Дважды посещал Гайнский район писатель, публицист и искусствовед Ю. Арбат; включенное в его мемуары повествование о Пере и Мизе содержит ряд интересных деталей и основывается не только на печатных источниках, но и на неопубликованных (услышанных от местных жителей?) рассказах [Арбат 1970: 48-55]. Во-вторых, предания печатаются иногда на страницах местных периодических изданий¹¹; так, в районной газете «Наше время» обнаруживается рассказ о Пере, записанный от жителя пос. Жемчужный (в роли собирателя вы-

¹⁰ Выражаем признательность фольклористу А.Н. Рассыхаеву за сведения об этом источнике.

¹¹ Ср.: газетную публикацию 1928 г. включает в сборник М.Н. Ожегова [Ожегова 1971: 116].

ступает журналист) [Базуева 2005], — но подобных публикаций могло быть и больше. Наконец, нужно учитывать существование такого вида источников, как самозапись носителя традиции; примером может служить небольшой рассказ жительницы пос. Жемчужный, местного краеведа Н.П. Златиной, переданный нам в рукописи (позднее он вышел в ее книге «Сторона моя, сторонushка», изданной маленьким тиражом). Отдельно стоит сказать о неопубликованных текстах, которые хранятся в различных архивах — музейных¹², научных, личных и др. Здесь тоже могут иметься записи, содержащие интересные детали; об одном таком варианте сообщает М.Н. Ожегова: помогая царю, Пера сражается не с огромным колесом, а с большим железным танком (текст был записан И.В. Зыряновым) [Ожегова 1980: 52]. Неопубликованные варианты преданий имеются и в Личном фонде Л.С. Грибовой в Научном архиве КомиНЦ УрО РАН (Сыктывкар); в сборники вошли лишь два записанных ею предания, где фигурируют Пера и Мизя, тогда как эти силачи упоминаются еще в 10 записях¹³ [Грибова НА КомиНЦ: Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 39, 41, 72, 74 и др.].

Обращение к архивным документам важно и потому, что в некоторых случаях первоисточник позволяет установить степень литературной обработки опубликованного фольклорного текста. Иногда редактирование могло быть существенным, о чем, в частности, вспоминает В.В. Климов: «Один из рассказчиков <...> поведал неизвестный эпизод о Пере-богатыре. Когда Пера стал умирать, собрал возле себя соплеменников и сказал: «Как помру, у меня пена изо рта пойдет. Вы возьмите ее мизинчиком, съешьте, и к вам прибудет моя сила. Но не жадничайте. Если вы возьмете больше — у вас будет адская сила, и вы перебьете друг друга». После критики редакционной коллегии (содержание примерно следующее: фи, какая гадость! Это же неэстетично!) предание пришлось исказить: Пера якобы завещал просто прикоснуться к его телу» [Сизова 2010: 76]. «Исправленный» мотив аутентичен и восходит к русской былинной традиции, где Святогор передает таким образом свою силу Илье Муромцу [Пропп 1999: 86]; сохраняется он и в сказке на былинный сюжет об Илье Муромце, записанной у коми [Кудряшова 1992: 111]. Подобные детали ценны

¹² Одна из рукописей с преданием о Пере доступна в научно-краеведческой библиотеке Коми-Пермяцкого краеведческого музея [Подюков 2010: 131-132].

¹³ Еще один вариант записала (очевидно, по просьбе Л.С. Грибовой) в 1965 г. геолог В. Варсанюфьева [Грибова НА КомиНЦ: Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 126-127].

тем, что проясняют генезис некоторых мотивов, связанных образами Перы и Мизи.

Историзм и локальность. В работах исследователей рассказы о лупинских богатырях рассматриваются в различных аспектах. Выявляются влияния русских и коми фольклорных жанров на цикл в целом и на отдельные сюжеты [Ожегова 1961; Микушев 1979; Рочев 1985]. Делаются попытки (на наш взгляд, иногда излишне архаизирующие материал) реконструировать древний мифоритуальный пласт преданий [Конаков 1999: 298; Подюков 2010: 130]. Обнаруживается воздействие рассказов о Пере на предания о других силачах — чердынском крестьянине Бухонине, чувсовском сплавщике Василии Балабурде [Кругляшова 1974: 101, 108-109]. Но наиболее исследованной к настоящему времени можно считать историческую основу цикла.

Примечательно, что еще в 1840 г. предположение о реально-историческом характере предания о Пере выдвигает беллетрист-этнограф П.И. Мельников (Печерский), знавший сюжет в пересказе И. Лепёхина: он считает, что в основу легло открытие короткой дороги в Сибирь крестьянином Артюшкой Бабиновым, который получил за это от царя Федора Иоанновича «грамоту безданную и безпошлинную» на земли в верховьях р. Яйва [Голева и др. 2011: 7]. С более современных позиций, учитывающих специфику фольклорного историзма, реальная основа преданий рассмотрена в XX в. [Гусев 1956; Оборин 1974; Ожегова 1980]. Исследователи сходятся на том, что в рассказах о помощи Перы московскому царю отразились процессы политического и культурного включения Верхнего Прикамья в состав Российского государства (XV–XVII вв.); в истории о цепи, которой графские слуги мерили земли Строгановых и которую порвал богатырь, видят борьбу местных крестьян с крупными землевладельцами (XVII–XIX вв.). М.Н. Ожегова выделяет реалии, которые могли возникнуть в коми-пермяцких преданиях лишь в новых исторических условиях: в образе Идолища-колеса она обоснованно видит фантастическое отображение военных машин типа гуляй-поле, использовавшихся в эпоху Ивана Грозного¹⁴; родственник Перы Мизя служит в царской армии (в Москве, Перми или Чердыни),

¹⁴ Огромное колесо, с которым сражается Пера, интерпретируется в некоторых работах как солярный символ, а сам герой ставится в ряд культурных героев-«солнцеборцев». Основание для подобного толкования пытаются найти в произведении «Пера и Зарань», где герой и его сыновья стреляют в солнце, грозящее сжечь землю. Однако, учитывая литературно-авторский характер этого произведения, вряд ли можно использовать его как основу для научных реконструкций.

при этом Пера выступает иногда как его крёстный отец (что свидетельствует о прямом влиянии христианской традиции) [Ожегова 1980]. Выявлена исследователями и этнографическая составляющая — отразившиеся в преданиях черты традиционного быта коми-пермяков [Ожегова 1980: 46-47; Гусев 88-91].

Однако цикл может быть рассмотрен и в иных ракурсах. Представляется, что один из продуктивных подходов заключается в выявлении локальных традиций, включавших в себя рассказы о Пера, и описании их специфики. В какой-то мере задача эта была поставлена еще Д.И. Гусевым: исследователь выделил 9 различных групп сказителей и кратко охарактеризовал их сюжетный репертуар [Гусев 1956: 80-84]. Ученый перенес на коми-пермяцкие рассказы о Пера и Мизе подход, сложившийся применительно к былинам, фактически же речь у него идет о локальной (и микролокальной) специфике преданий. Подобные фольклорные нарративы, как правило, соотносятся с объектами местного природно-культурного ландшафта, а в некоторых случаях отражают специфичные социально-исторические процессы. Объем статьи заставляет нас ограничиться несколькими примерами.

Красновишерские и кочёвские записи. Реконструируемый по источникам ареал бытования преданий о Пера включает территорию Красновишерского района Пермского края, где в окружении русского населения проживают язьвинские коми-пермяки. Записи, сделанные здесь в разное время, немногочисленны [Коми-пермяцкие народные предания 1956: 64, 66-68; Ожегова 1971: 116-117]; местным жителям известны сюжеты о награде героя царем (иногда не за помощь на войне, а за охотничье мастерство) и о победе над лешим. Богатыря при этом зовут *Пеля*, и живет он на *Колчимском камне* (по другой версии — на *Кваркуше*). По соседству, на горе *Полюд*, живет богатырь Полюд; в некоторых вариантах герои враждуют — перебрасываются камнями или палицами, но не могут победить один другого. В конце концов богатыри заходят внутрь своих скалистых гор (иногда с сокровищами) и остаются там; горы при этом перестают расти. Таким образом, местом, где якобы жили богатыри, выступают конкретные природно-географические объекты, расположенные на Северном Урале, на территории Красновишерского района (с горы Полюд видны Кваркуш и Колчимский камень). Примечательно, что имя Пеля в сюжете о вражде двух богатырей факультативно: иногда этого богатыря зовут Колчим, и такие варианты не относятся составителями сборников к интересующему нас циклу [Заветный клад 2007: 205].

В Коми-Пермяцком округе предания фиксировались на различных территориях. В Кочёвском районе жителям был известен сюжет о помощи Перы русскому войску, рассказы о его особой физической силе и (в крайне редуцированном виде) победе над лешим. Повествуя о *силыце*¹⁵ Пере, кочёвцы указывают, что богатырь был родом из Верх-Лупьи. При этом в записях, сделанных Л.С. Грибовой в 1959-1964 гг. и частично опубликованных (см. № 95-97 в [Ожегова 1971]), жизнь героя, а иногда и его кончина связываются с местом *Курэ́гкар* (*Курэ́г-кар-мыс*, *Куропка́р*). Этот сравнительно небольшой лесистый холм, расположенный между кочёвскими деревнями Борина и Урья, является значимым объектом местного природно-культурного ландшафта (микротопонимами обозначены и некоторые другие сопки, но с ними связано меньше устных текстов). По данным археологов, здесь находилось городище ломоватовской культуры VIII–IX вв., обнесенное кольцевым валом [Памятники истории 1976: 29]. В устной традиции к Курэ́гкару приурочены предания о кладях: «*Ворота были — кто говорит, с южной стороны, кто — с восточной. Ворота деревянные, наверху — петух. Человек подойдет, должен ударить в колокол (он на воротах висел) раньше, чем петух закричит. Если успеет, войдет и все добро заберет, если нет — умрет. <...> Там будто полная лодка золота, но под заветом*» [Грибова НА КомиНЦ: Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 35]. В наших полевых материалах, собранных в 1999-2011 гг., чаще упоминается якобы спрятанная внутри Курэ́гкара *золотая дуга*.

Этот холм фигурирует и в преданиях о *чудском народе / разбойниках / богатырях*, которые перебрасывались тяжелыми предметами (палицами, палками и т.п.): «*Чуцкой народ был разбойным. <...> Курэ́г-кар мыс, говорят, тоже их городище. <...> Был народ крупный, сильный. Богатыри перебрасывались своими палками с Курэ́г-Кар-мыса на Быльдэг-мыс (км 7), может быть так же, как теперь дети бросают камни с кушака или ремня*» [Там же: Л. 89]. В одном из вариантов таким богатырем оказывается Пера; этот силач, которого «окаменил» Бог, якобы и сейчас сидит в пещере внутри холма: «*В пещере Курёг-Кара, будто, раньше жили. Перу-богатыря бог окаменил, и он до сих пор сидит в пещере Курёг-Кара, будто. Видимо, окаменили его потому,*

¹⁵ *Силы́ц* — по-видимому, тоже самое, что *осилок* — в русских народных говорах (в т.ч. пермских) 'человек, обладающий большой физической силой, силач' [СРНГ 1989: 6]; эти диалектные наименования используются рассказчиками применительно к Пере в кочёвских и косинских записях, см. № 19 и 20 в [Коми-пермяцкие предания 1956: 51].

что он много народу погубил. Три брата их было, они с 3-х мысов перебрасывались чугунными палками. Это: Быльдог-мыс, Ош-мыс и Курёг-Кар-мыс» [Там же: Л. 71-72]¹⁶. Мотив окаменения героя (вероятно, связанный с былиной о том, как перевелись на земле русской богатыри) возникает и в другом кочёвском предании о Пере: так Бог временно называет силача, желавшего с помощью железной палки перевернуть землю, после чего богатырь отказывается от своей затеи [Ожегова 1971: 117-118; Му пуксьём 2005: 117]¹⁷. Как и в красновишерских записях, имя Перы в кочёвских преданиях, приуроченных к местному ландшафту, факультативно: Л.С. Грибовой зафиксированы варианты, в которых с мыса на мыс «ради шутки, ради славы» перебрасываются тяжелыми предметами безымянные разбойники, а в пещере Курэ́гкара томится неизвестный «седой старик» [Грибова НА КомиНЦ: Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 70, 72]. В наших полевых записях, связанных с этим холмом, имя Перы не встречается¹⁸.

Юрлинские записи. В Юрлинском районе Пермского края, где проживает русское население, были известны сюжеты о помощи Перы в битве с врагами и споре богатыря с лешим. При этом еще Д.И. Гусев заметил, что здесь — и только здесь — бытуют развернутые варианты преданий о том, как герой помешал графу Строганову захватить местные земли, отмеряемые с помощью большой цепи (порвав ее, Пера спас крестьян от участи крепостных); исследователь полагал, что данный сюжет первоначально сформировался именно на этой территории [Гусев 1956: 78, 82]. Опубликованные М.Н. Ожеговой записи подтвердили, что в преданиях из других районов противостояние

¹⁶ В отредактированном виде запись вошла в сборник М.Н. Ожеговой (№ 96 [Ожегова 1971: 118]); возможно, изменения в публикуемый текст были внесены Л.С. Грибовой.

¹⁷ Ср.: в 1908 г. этнограф В.П. Налимов записал у иньвенских коми-пермяков предание, где сходный сюжет связан с Ильей Муромцем: Бог превратил в камни «чучких людей» за то, что они хотели перевернуть землю, вбив в нее железный кол; вертеть рычаг они попросили Илью Муромца, который тоже был из «чучких», но Бог усыпил богатыря (запись хранится в архиве Финно-угорского общества в г. Хельсинки) [Чагин 2009: 22].

¹⁸ Ср.: в версии из совр. Шалинского р-на Свердловской обл. коми-пермяцкий герой входит в число *разбойников-богатырков*, переговаривающихся на большом расстоянии; по именам двух из них — Сокола и Шигая — якобы названы местные гора и деревня; самого героя зовут *Пермяк* (прозвищем становится этноним, созвучный имени *Пера*), с ним связывается рассказ о победе над «человеком, который колесом катался на руках и ногах» [Кругляшова 1974: 109].

силача и графа Строганова если изредка и упоминается, то содержит иные мотивы и не разворачивается в самостоятельный сюжет¹⁹.

Четкая локализация преданий о Пера и графе Строганове объясняется тем, что приблизительно по южной окраине бывшей Юрлинской волости (сегодня — района) проходила граница графских владений; часть строгановских угодий располагалась на юрлинской земле, что становилось причиной конфликтов с местными крестьянами. Об этом сообщает географ и краевед И.Я. Кривощёков: «В начале XIX столетия юрлинцы вели форменные битвы со строгановскими приказчиками <...>. Так, Строгановы, считая земли своими, в 1828 году хотели увезти у юрлинцев весь сбор хлеба с поля и сена — с лугов, выслали приказчика Саламатова для исполнения. Произошла битва, и командир строгановского отряда Саламатов был убит, сколько же было убито крестьян — в деле нет указаний» [Кривощёков 1914: 804-805]. Устные рассказы о столкновениях с людьми Строгановых сохранялись в Юрлинском районе до конца XX в. (следы их обнаруживаются и сегодня), на что указывает современный краевед: «В памяти народной сохранились образы героев — выходцев из простого народа, — защищавших его интересы в схватках. Для пожинцев таким героем был Перша Пикулев, для вятчанцев — Антон Мельчаков, для ананькинцев — Андриян» [Бахматов 1999: 11-12]²⁰. Одно из названных имен встречается в преданиях о богатыре.

Анализ юрлинских текстов показывает, что образ героя имеет в них специфичные и при этом достаточно устойчивые черты. Так, силача здесь обычно зовут не Пера, а *Перша* (простонародная форма имени *Перфилий*), или *Першин*, или *Перша Пикулев*; в двух текстах упоминается вторая его фамилия — *Долгих*²¹; в единичной записи говорится, что силача звали *Василий Долгих*, а Пер-

¹⁹ Ср.: на юге Гайнского р-на рассказывали, что Строгановы отняли подаренные царем леса и Пера «с голоду свои рукавицы ел»; в записях из южных р-нов герой, грозя графу смертью, велит не обижать государственных крестьян или отнимает у Строганова реку Куву, где потом сам ловит рыбу; подобные мотивы встречаются в единичных текстах.

²⁰ Показательно, что в записях из Гайнского р-на, где располагается основной очаг традиции, сюжет о борьбе героя с графом Строгановым отсутствует; для самых северных территорий края подобная социально-историческая коллизия была неактуальна.

²¹ Возможно, это неофициальная, родовая фамилия (*уличная, деревенская*), какими в обиходном общении юрлинцы пользуются до сих пор; согласно рассказам, фамилию *Долгих* носил один из первых жителей д. Пож [Гусева 2008: 204].

ша — его прозвище. Богатыря считают местным русским крестьянином, проживавшим в д. Пож; один из рассказчиков называет его своим прадедушкой. Удивительно точно совпадают детали в описании его судьбы после конфликта с графскими людьми: Першу преследуют, он вынужден несколько лет скрываться в лесу, где ему тайно помогает жена. Местом, где он укрывался, называют *большую сосну на чурашинской дороге / чурашимском волоку* (лесная дорога из Юрлинского в Косинский район, шедшая через д. Лопан в д. Чураки): «*Перша был молодой, с женой жил только четыре года, на Чурашимском волоку. Люди видели на сосне вырубленные буквы «П.П.» — Перша Пикулев значит. У него и ружье было, и топор, и силки ставил. 10 лет ему жена еду носила, он всё скрывался от людей, хотя можно было и выйти. Жена ждала его, а он не явился. Видимо, погиб*» [Гусева 2008: 204-205]²². Упоминания о дороге и сосне, где прятался богатырь, зафиксированы на соседних территориях — косинской и юсьвинской. Можно предполагать, что в местные предания о силаче Перше вошли некоторые биографические подробности, имевшие отношение к реальному человеку — возможно, одному из юрлинских крестьян, активно проявившему себя в столкновении с людьми Строгановых из-за спорных земель.

Указанные локальные традиции имеют свои особенности в изображении богатыря и его судьбы, выстраиваемой либо в мифологическом направлении (шалинский, красновишерский и кочевский вариант), либо с установкой на историческую достоверность (юрлинские записи). И все они в той или иной мере расходятся с гайнскими вариантами преданий — конструирующими иную версию жизни героя и приуроченными к другим объектам природно-культурного ландшафта. Здесь находится заброшенная деревня Верх-Лупья — родина братьев-богатырей; до сих пор сохраняются два больших камня — *Ыджит из* и *Серу-яг*, — которыми якобы перебрасывались силачи; в лесу имеется место *Градогяг* — лесной огород Перы, ямы от его погребов, легендарная *могила* богатыря (связанные с этими локусами мотивы составляют основу современных фольклорных нарративов). На этой территории значимой фигурой оказывается не только Пера, но и его брат *Мизя*: происхождение от этого силача — популярный сюжет семейного фольклора, известный едва ли не всем местным жителям по фамилии *Мизёвы*. Подробное описание гайнской локальной традиции в обозначенном аспекте — ближайшая перспектива наших исследований.

²² Запись этого предания, сделанную собирателями от К.П. Гусевой, см. в [Бахматов и др. 2008: 255].

Пока же можно сказать, что единый цикл преданий о Пере и Мизе с логически обоснованной последовательностью событий — это в большей мере исследовательский конструкт, нежели отражение внутреннего устройства традиции. Реальная ситуация выглядит более сложной. С одной стороны, существовали почти повсеместно известные сюжеты (о военной помощи героя и царской награде; о борьбе с лешим), которые можно считать основой цикла. С другой стороны, на конкретных территориях устные рассказы о Пере и Мизе имели выраженную локальную специфику. Имя популярного коми-пермяцкого героя приурочивалось к значимым объектам сакрального ландшафта и включалось в уже готовые фольклорные сюжеты, где параллельно могли фигурировать и другие персонажи (безымянные богатыри, чудь, разбойники и др.). В некоторых случаях в преданиях о Пере/Перше отражаются сравнительно поздние события местной истории (и тогда, возможно, образ фольклорного силача соединяется с памятью о реальных прототипах). Локальную специфику преданий, равно как и формы адаптации традиции к современным реалиям можно раскрыть, привлекая для анализа новые тексты; в связи с этим сохраняет свою актуальность архивная и собирательская работа по изучению «богатырских» преданий Северного Прикамья.

Приложение

Предание о пожинском силаче Перше Пикулеве. «Вот Николай Николаевич <Суворов, житель д. Пож>, он тоже 1902-го года <рождения>, по-моему, был; он рассказывал, что... Про Першу в Кудымкаре книга выходила. Мизя, Перша — это все богатыри, предания о них по-коми-пермяцки. Он сказал: «А Перша-то наш был, Пикулев, пожинский». Он из-за Косы девушку взял, женился и жил здесь. А потом вот когда Строгановы стали захватывать наши земли, и мершики вели цепь, чтобы это, ну, заграничить эти районы. Перша перерубил цепь и концы закинул далеко-далеко. А там есть поворот. Где — на 70-ом <километре> или где поворот? *Крутой поворот* называтца место. И, это, наши земли не подошли к Строганову. Там, за Белоево, коми-пермяки строгановцы были, Кулай и всё прочее там, Пожва. А мы были свободные крестьяне, Перша нас освободил. Но за ним стало преследование, это Николай Николаевич рассказывал, и он убежал в лес. Его ловили долго, искали. Жена, говорит, ему туда и еду тайно носила в лесу. А потом он потерялся, и она его не нашла, и он не пришёл. Видно,

говорит, погиб. А где там? А сосна стояла, говорит, до недавних годов, что там «ПП» вырублены буквы — ему и ружьё, и топор она уносила, — что «Перша Пикулёв». Такое тоже это предание. [Это, получается, из какой он был деревни?] Пож. [А где он это услышал?] А у кого-то он слышал то же, у стариков же, наверно. Он это не читал. Читать-то было не так написано. Было про Першу-ту это наши предания тут, старики тоже рассказывали. «Коми-пермяцкие предания о Пере-богатыре» книга есть. Вот он и это, спорит: не-ет, Перша Пикулёв наш был. <...> [А где эта сосна стояла?] А где-то в сторону Лопана, Пышьи, вот там, к коми-пермякам-то...» (зап. Е.М. Четина и С.Ю. Королёва в 2013 г. от местного краеведа К.П. Гусевой, 1937 г.р., д. Сергеева Юрлинского р-на).

Литература и источники

- Арбат 1970 — Арбат Ю. Сорок памятных зарубок. М.: Советская Россия, 1970. 272 с.
- Базуева 2005 — Базуева Т. Земля лесов, земля легенд // Наше время. 2005. 2 марта.
- Бахматов 1999 — Бахматов А.А. Память. Историко-документальная хроника Юрлинского района. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1999. 392 с.
- Бахматов и др. 2008 — Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.А., Черных А.В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь: От и до, 2008. 600 с.
- Белицер 1958 — Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX вв. (Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. XLV). М.: АН СССР, 1958. 393 с.
- Берх 1821 — Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.
- Голева Т.Г. и др. 2011 — Голева Т.Г., Подюков И.А., Пономарева Л.Г., Черных А.В. Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник (Труды Ин-та языка, истории и традиц. культуры коми-перм. народа. Вып. VIII). Пермь: Типография купца Тарасова, 2011. 142 с.
- Грибова Л.С. — Личный фонд Л.С. Грибовой. НА КомиНЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. 127 л.
- Гусев 1956 — Гусев Д.И. Коми-пермяцкие народные предания «Пера-богатырь» (историко-этнографический очерк) // Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1956. С. 71-100.
- Гусева 2008 — Гусева К.П. Поклонись родному дому. Пермь: От и до, 2008. 257 с.

- Заветный клад 2007 — Заветный клад: избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия / Сост. В.В. Климов. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 392 с.
- Коми легенды 1984 — Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 176 с.
- Коми-пермяцкие предания 1956 — Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре / Сост. Д.И. Гусев. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1956. 100 с.
- Коми-пермяцкое творчество 1960 — Коми-пермяцкое народное устное поэтическое творчество [на коми-перм. яз.] / Сост. В.В. Климов. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1960. 227 с.
- Конаков 1999 — *Конаков Н. Пера* // Мифология коми (Сер. Энциклопедия уральских мифологий). Т. 1. М., Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. С. 298-303.
- Кривощёков 1914 — *Кривощёков И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: типогр. «Труд», 1914.
- Кругляшова 1974 — *Кругляшова В.П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора: Уч. пос. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1974. 168 с.
- Кудряшова 1992 — *Кудряшова В.М.* Коми сказки на сюжеты русских былин // Жанр сказки в фольклоре народа коми (Труды ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН. Вып. 53). Сыктывкар, 1992. С. 108-113.
- Лепёхин 1780 — *Лепёхин И.И.* Дневные записки доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Ч. 3. СПб., 1780.
- Лыткин 1994 — *Лыткин В.И.* О богатырях // Илля Вась (В.И. Лыткин). Мый медся дона да муса / Лёсьёдіс Г.И. Торлопов. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1994. С. 70-71.
- Микушев 1979 — *Микушев А.К.* Проблема историко-культурных контактов пермских народов по данным эпоса // Межнациональные связи коми фольклора и литературы (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 21). Сыктывкар, 1979. С. 3-15.
- Му пуксьом 2005 — Му пуксьом — сотворение мира. Мифология народа коми / Авт.-сост. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 624 с.
- Оборин 1974 — *Оборин В.А.* Соотношение легенд о чуде с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1974. С. 107-120.
- Ожегова 1961 — *Ожегова М.Н.* Предания о богатыре Пере // М.Н. Ожегова. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1961. С. 7-28.
- Ожегова 1971 — *Ожегова М.Н.* Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1971. 132 с.

- Ожегова 1980 — *Ожегова М.Н.* Исторические основы коми-пермяцких преданий о Пере-богатыре (источники и жанровая специфика) // Фольклор Урала (Вып. 5: Фольклор и историческая действительность). Свердловск, 1980. С. 45-69.
- Памятники истории 1976 — Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. 218 с.
- Подюков 2008 — *Подюков И.А.* Предания о Пера-богатыре у лупьинских коми-пермяков: состояние традиции // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Мат-лы науч. конф. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2008. С. 196-206.
- Подюков 2010 — *Подюков И.А.* О нынешнем состоянии эпических преданий о Пере-богатыре // Арт. 2010. № 2. С. 128-132.
- Пропп 1999 — *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
- Рочев 1985 — *Рочев Ю.Г.* Коми-пермяцкие предания о борьбе Перы с лешим и коми-зырянские легенды о единоборстве охотника с вёрса // Идеино-эстетическое взаимодействие коми фольклора и литературы с культурой народов СССР (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 35). Сыктывкар, 1985. С. 86-94.
- Сизова 2010 — *Сизова М.* Василий Климов: «Ме шуда морт» // Арт. 2010. № 2. С. 70-77.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 24. Л.: Наука, 1989. 368 с.
- Фольклор коми 1938 — Фольклор народа коми. Т.1: Предания и сказки. Архангельск: Архоблгиз, 1938. 327 с.
- Чагин 2009 — *Чагин Г.Н.* Чудь историческая и чудь мифологическая // Парма — земля Чуди: правда и мифы / Сост. Г.Н. Чагин, В.В. Климов, Л.П. Ратегова. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2009. С. 8-27.